

NINA LABYORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1677-2416>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

ТРАВМА В ДАЛЕКОЙ СИБИРИ (СУДЬБЫ ГЕРОЕВ РОМАНА ГУЗЕЛИ ЯХИНОЙ *ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА*)

TRAUMA IN FAR SIBERIA

(CHARACTERS OF THE NOVEL *ZULEYKHA OPENS HER EYES* BY GUZEL YAKHINA)

This article focuses on the analysis of the main characters in Guzel Yakhina's novel *Zuleikha Opens Her Eyes* — Zuleikha and Ignatov and their inner transformation. This transformation was influenced by numerous traumatic events (exile, repression, and domestic violence), their relationship with each other, and, in Zuleikha's case, her relationship with her son. The characters struggle with various symptoms of trauma and PTSD, such as persistent dreams and memory loss, as described in the literature on this phenomenon. The article also discusses the process of combating and processing trauma using the mechanisms introduced into the discourse of trauma studies by historian Dominick LaCapra. Additionally, it addresses the issue of the Soviet regime and how quickly it was able to eliminate people who were no longer useful, even if they had previously faithfully served the system.

Keywords: Guzel Yakhina, trauma, domestic violence, motherhood, exile

Травма — очень широко изученное явление, которое представляет интерес не только для медиков, психологов, но и находит применение во многих гуманитарных науках, в частности в литературоведении. Большая часть литературоведческих исследований, посвященных травме, возникла в результате распространения знаний о Холокосте¹. Однако механизмы, описанные исследователями травмы, могут быть применимы не только к жертвам Шоа, но и наряду с другими, к жертвам сталинских репрессий и внутренней колонизации², которые описываются

¹ A. Kisiel, *Uraz — bliskość — nie-pamięć. Psychoanalityczny dyskurs traumy od Freuda do Ettinger*, «Narracje o Zagładzie» 2016, № 2, с. 116, 120.

² Больше см.: А. Эткин, *Кривое горе. Память о непогребенных*, авторизованный пер. с англ. В. Макарова, Новое литературное обозрение, Москва 2016,

русскими писателями, в том числе Гузелью Яхиной. В ее произведениях в основном идет речь о важных исторических событиях, происходивших в СССР, таких, как Октябрьская революция, Гражданская война, раскулачивание, Вторая мировая война. В польском литературоведении опубликованы работы, посвященные анализу ее творчества, однако они в основном затрагивают проблемы постколонизации, религии, путешествий, идентичности³. Исследования темы травмы, очень важной для Яхиной, появляются реже в работах, изданных на английском, польском и русском языках. Это послужило причиной выбора заявленной темы.

Целью настоящего исследования является применение теоретического инструментария *trauma studies* на материале художественных образов романа Гузели Яхиной *Зулейха открывает глаза* (2015).

Дебютный роман Яхиной вызвал широкий общественный резонанс, получив высокие оценки критиков и ряд престижных литературных премий. В центре повествования — история Зулейхи, которая вместе с семьей мужа была раскулачена и репрессирована. Главную героиню романа после расстрела мужа отправляют в ссылку в Сибирь, где она вынуждена бороться за выживание — свое и своего сына. Прототипом Зулейхи стала бабушка писательницы, также пережившая ссылку. По признанию Яхиной, работа над текстами была попыткой «разгадать свою семейную историю, сделать ее ближе». Таким образом, как в дебютном произведении, так и в последующих романах — *Дети мои* (2018) и *Эшелон на Самарканд* (2021), автор обращается к феномену постпамяти и анализирует влияние травмы на личность, ее социальные связи и поведение. В книге представлена глубокая внутренняя транс-

с. 38; А. Эткинд, *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, Новое литературное обозрение, Москва 2013 и Т. Snyder, *Czarna Ziemia. Holokaust jako ostrzeżenie*, пер. с англ. В. Pietrzyk, Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, Kraków 2015.

³ Примером таких статей являются например: Р. Wójcikowska-Wantuch, *Dyskurs postkolonialny w powieści „Dzieci Wolgi” Guzel Jachiny*, «Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze» 2023, № 33; М. Kube, *Syberyjska Arka Noego*, «Rzeczpospolita» 2017, № 200; В. Witowicz, *Przebudzenia*, «Nowe Książki» 2017, № 12, В. Witowicz, *Między faktem a prawdą*, «Nowe Książki» 2024, № 1; М. Sidor, *Z badań nad etyką w literaturze masowej: o implikacjach etycznych kategorii obcości w powieściach Guzel Jachiny*, «Slavia Orientalis» 2020, № 4; К. Duda, *Mikrohistoria i tożsamość lokalna wobec dyskursu wielkiej historii (Guzel Jachina — Dzieci Wolgi)*, «Politeja» 2025, № 5.

формация героини, обусловленная совокупностью пережитых трагедий и полученных травм различной природы: социальной, бытовой, этнической и национальной.

В анализируемом произведении на первый план выходит национальная травма, обусловленная опытом советского террора. Его специфика заключалась не только в исключительной жестокости, но и в непредсказуемости: в условиях тоталитарной системы границы между палачом и жертвой были размыты, а статус субъекта мог мгновенно измениться на противоположный. Миллионы людей прошли через коллективизацию, голод, депортации и политические репрессии. Исследования показывают, что у лиц, столкнувшихся с описываемыми явлениями непосредственно или опосредованно, наблюдаются выраженные симптомы травматизации, такие, как фиксация на пережитом опыте, неспособность к его психологической переработке и интеграции в структуру личности. Память о терроре зачастую сохраняется в форме *посттравматического стрессового расстройства* (ПТСР), что определяет поведение человека и его взаимодействие с окружающим миром⁴. Травматические последствия системы, включая опыт депортаций и политических репрессий на протяжении десятилетий, остаются в фокусе внимания междисциплинарных исследований⁵.

Традиционно в научном дискурсе доминировал андроцентричный подход, при котором травматическими признавались прежде всего события, затрагивающие преимущественно мужчин (войны, политический террор). В то же время специфический женский опыт, включающий домашнее или сексуальное насилие, нередко оставался на периферии исследовательского внимания, несмотря на его повсеместность и глубокое деструктивное влияние на личность⁶. Лаура С. Браун в статье *Not*

⁴ P. Jones, *Memories of Terror or Terrorizing Memories? Terror, Trauma and Survival in Soviet Culture of the Thaw*, «The Slavonic and East European Review» 2008, № 2, с. 347.

⁵ Примеры статей по этой теме: В.И. Екимова, Е.П. Лучникова, *Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса*, «Современная зарубежная психология» 2020, № 1. или M. Rubins, *The Unbearable Lightness of Being a Diasporian: Modes of Writing and Reading Narratives of Displacement* // M. Rubins (ред.), *Redefining Russian Literary Diaspora, 1920–2020*, UCL Press, London 2021.

⁶ Существует много свидетельств женщин периода сталинского террора, в том числе об их участии в войне или пребывании в ссылке. Это свидетельства,

Outside the Range: One Feminist Perspective on Psychic Trauma подчеркивает, что значительная часть женской травматизации происходит в приватной сфере — «за закрытыми дверями», где источниками насилия выступают партнеры или члены семьи. Браун также акцентирует внимание на социальной стигматизации: в отличие от жертв катастроф, женщины, пережившие насилие в частной сфере, часто сталкиваются с обвинением жертвы (виктимблеймингом), даже если клиническая картина их ПТСР идентична травмам, полученным в ходе масштабных бедствий⁷.

В классическом дискурсе *trauma studies* нередко игнорируется опыт представителей этнических меньшинств и населения незападных стран. Трагедии, переживаемые данными группами, зачастую не получают статуса значимых исторических событий в рамках доминирующей теоретической парадигмы. На эту проблему указывают исследователи XXI века, чья рефлексия активизировалась после событий 11 сентября 2001 года. Так, Юлия Анамария Сима в статье *Reenacting Trauma in the Wake of 9/11* подчеркивает выраженную евроцентричность теории травмы, отмечая, что фокус внимания ведущих теоретиков по-прежнему смещен в сторону западного мира. По этой причине в дискурсе о травме пренебрегаются культурные различия. Такой подход вызывает сомнения, поскольку люди переживают травмы по-разному, и на это сильно влияет культура, в которой они воспитаны. Оказывается, что определение травмы, согласно Кэти Карут («a wound inflicted upon the mind that breaks the victim's experience of time, self and the world»), данное в *Unclaimed Experience*, не отражает сложности этого явления, поскольку симптомы и последствия травмы могут выглядеть совершенно по-разному у разных людей, даже если она была получена в одних и тех же ситуациях⁸. Другой исследователь, Стеф Крапс, в книге *Postcolonial Witnessing: Trauma out of Bounds*, приводя в пример Кэти Карут, обращает внимание на тот факт,

например, Анны Ахматовой, Надежды Манделштам, Ольги Берггольц, Светланы Алексиевич и Евгении Гинзбург.

⁷ L. S. Brown, *Not Outside the Range: One Feminist Perspective on Psychic Trauma* // С. Caruth (ред.), *Trauma: Explorations in Memory*, The Johns Hopkins University Press, London 1995, с. 100—101.

⁸ I. A. Sima, *Reenacting Trauma in the Wake of 9/11*, «[Inter]sections» 2015, № 18, с. 60.

что даже когда исследователи *trauma studies* пытаются обсуждать проблемы людей из других уголков мира, они рассматривают это явление сквозь призму западной культуры и поэтому не могут в полной мере понять и оценить их опыт⁹.

В анализируемом произведении представлен сложный синтез травматического опыта: главная героиня не только принадлежит к титульной нации, но и воплощает в себе пересечение двух фундаментальных типов травмы — частной (домашнее и сексуальное насилие) и коллективной (раскулачивание и ссылка). Автор уделяет обеим линиям равное внимание, демонстрируя, как их синергия определяет внутреннюю трансформацию Зулейхи. Таким образом, писательница актуализирует в литературном пространстве голоса тех групп, чей опыт традиционно оставался на периферии исторического и художественного нарратива.

В экспозиции романа автор представляет Зулейху как личность, чья воля полностью подавлена. Находясь в условиях деспотичного семейного уклада, героиня занимает положение бесправной служанки при муже и свекрови. Страх перед ними блокирует любую возможность сопротивления переживаемому насилию. Раннее замужество — в возрасте пятнадцати лет — привело к тому, что многолетний опыт унижений стал для Зулейхи единственной доступной формой социальной реальности. В рамках теории травмы это можно интерпретировать как нормализацию насилия: героиня адаптируется к жестокости Муртазы, воспринимая ее как естественный порядок вещей. Данная психологическая установка наглядно проявляется в следующем фрагменте:

И начинает бить. Метлой по спине — это не больно. Почти как веником. Зулейха лежит смиренно, как и велел муж, только вздрагивает и царапает ногтями лэукэ при каждом ударе, — поэтому бьет он недолго¹⁰.

Такое поведение очень правдоподобно. По исследованиям фонда Института государственного права, у жертв домашнего насилия может появиться так называемая выученная беспомощность,

⁹ S. Craps, *Postcolonial Witnessing: Trauma out of Bounds*, Palgrave Macmillan, New York 2013, с. 14–15.

¹⁰ Г. Яхина, *Зулейха открывает глаза*, АСТ, Москва 2017, с. 39, в дальнейшем цитирую по этому изданию, указывая страницу в скобках.

которая делает людей неспособными каким-либо образом изменить свою ситуацию¹¹. Следует отметить, что существуют научные наблюдения, подтверждающие тот факт, что у женщин, подвергшихся насилию, выкидыши происходят чаще¹². Трагический опыт Зулейхи, похоронившей четырех дочерей вскоре после их рождения, служит художественным подтверждением деструктивности ее семейной среды.

Интересно, что выученная беспомощность проявляется в поведении Зулейхи не только в случае домашнего насилия. Ее можно наблюдать во время пути в Сибирь, когда группа заключенных пытается сбежать из эшелона, рискуя жизнью, чтобы не ехать в ссылку. Один из заключенных уговаривает Зулейху бежать, но она отказывается. В тот момент женщина еще не была в состоянии бороться за свою безопасность.

Ссылка в Сибирь не вполне освободила Зулейху от ее бывших мучителей. И муж, и свекровь все еще присутствовали в ее мыслях, хотя женщина пыталась отстраняться от этих наваждений. Впрочем, не только в мыслях — она даже начала испытывать видения, в которых свекровь издевалась над ней. Женщина была забыта Зулейхой уже в первой части книги. То, что Упыриха осталась одна в деревне, в которой жила с Муртазой и Зулейхой, не означает, что ее роль в романе заканчивается, так как ее призрак еще несколько раз будет преследовать Зулейху. Не исключено, что главная героиня чувствовала себя отчасти виноватой за то, что оставила свекровь одну. Эти наваждения часто связаны с сыном Зулейхи. Хотя женщины ненавидели друг друга, их отношение к материнству отчасти оставалось похожим. Обе смогли сделать все для своих любимых сыновей: Зулейха всю зиму в ссылке в Сибири резала себе руки, чтобы прокормить сына собственной кровью, а Упыриха ради выживания Муртазы допустила гибель других своих детей. Яхина изображает ее как очень жестокую женщину. Влияние Упырихи на поведение Зулейхи просматривается, например в ситуации, которая происходит в первые месяцы ссылки. Голодают поселенцы, голодает и Юзуф, а Зулейха не в состоянии его прокормить. Тогда перед

¹¹ K. Groszkowska, *Konsekwencje przemocy domowej wobec kobiet*, c. 7, <https://efektywne-prawo.org.pl/konsekwencje-przemocy-domowej-wobec-kobiet-mgr-kamila-groszkowska/> (22.11.2024).

¹² K. Chotkowska, *Doświadczanie przemocy w dzieciństwie — skutki w życiu dorosłym*, «Dziecko Krzywdzone. Teoria, Badania, Praktyka» 2022, № 1, c. 63.

ней является призрак Упырихи, который говорит, что ее сын никогда так не плакал. Женщина сразу же решает действовать, сначала пытается накормить сына водой с солью, а когда это не удается, она кормит его собственной кровью. Это является своеобразной формой выражения бунта против свекрови: Зулейха стремится показать, что ее свекровь ошибается. Необходимо также напомнить о том, что Упыриха предсказывала, что род Зулейхи не выживет, потому что она для этого слишком слаба. До определенного момента героиня и сама разделяла мнение свекрови, подкрепленное смертью четырех дочерей. Безусловно, доминирующим мотивом борьбы за жизнь сына остается материнская любовь, однако потребность разрушить сценарий неудачи, навязанный свекровью, становится для Зулейхи дополнительным и мощным стимулом к действию.

Кэти Карут во введении к книге *Trauma: Explorations in Memory* отмечает, что повторяющиеся образы или мысли о травме — это не просто воспоминания. Несмотря на то, что они часто очень точны, они полностью не контролируемы¹³. Кроме того, по словам исследовательницы, ПТСР вызывается катастрофическим событием или событиями¹⁴. Это происходит с Зулейхой. Свекровь появляется в очень трудный для героини момент — страдания, которые она испытывала, вызывают неконтролируемые и нежелательные видения. Это не единственный такой случай — раньше, вскоре после ареста, во время путешествия в Казань, Зулейха видит сон, в котором Упыриха властно призывает ее к себе.

Путешествие в Сибирь ухудшило психическое состояние Зулейхи. Голод, вездесущая угроза смерти и страх начали вызывать у нее мысли о самоубийстве. На протяжении всего пути Зулейха носит с собой отравленный кусок сахара, который ей дал муж перед смертью. Все пережитое истощило ее волю к борьбе, и единственным утешением в тот момент для нее были этот кусок сахара и осознание того, что когда страдания станут невыносимыми, она сможет просто прекратить их.

Суицидальные мысли — распространенное последствие травмы и ПТСР. В статье *Post-Traumatic Stress Disorder and Suicidal Behavior: A Narrative Review* Марии Панагиоти и Патрисии Гудинг читаем, что в исследовании суицидального поведения по-

¹³ С. Caruth, *Introduction* // С. Caruth (ред.), *Trauma Explorations...*, с. 151.

¹⁴ К. Карут, *Травма, время и история* // С. Ушакин, Е. Трубина (ред.), *Травма: пункты*, Новое литературное обозрение, Москва 2009, с. 561.

сле пережитой тяжелой травмы 57% участников с ПТСР вынашивали суицидальные мысли, в то время как среди лиц с иными психическими расстройствами их испытывали 29%¹⁵.

Другой значимый механизм трансформации героини связан с ее религиозным сознанием. В начале романа, до ссылки, главная героиня была очень верующей. Это видно хотя бы по тому, как часто женщина обращается к Аллаху. Вера была самой надежной ее опорой и защитой. Всевышний был единственным спасением, на которое она могла рассчитывать. Постепенно его образ в сознании героини блекнет, уступая место необходимости полагаться на собственные силы.

Молиться стала реже и быстрее, словно между делом. Страшно признать, но в голове поселилась грешная, чудовищная по сути мысль: вдруг Всевышний так занят другими делами, что забыл про них — про три десятка голодных, оборванных людей в глуши сибирских урманов? [...] Это дарило странную, безумную надежду: возможно, Аллах, отнявший у нее четверых детей и, по видимости, намеревавшийся отнять пятого, не заметит их? [...] Совсем не молиться она не могла (страшно!), но старалась проговаривать молитвы тихо [...] не привлекать высочайшего внимания (с. 285).

При этом, хотя она в какой-то мере осознавала, что поступает неправильно, и испытывала угрызения совести, но ничего не могла сделать с такой внутренней переменой. Следует также отметить, что и в этом случае на трансформацию ее сознания повлиял сын: Зулейха просто перенесла свою любовь к Богу на сына. У нее появилась реакция, которую описал Генри Кристал в статье *Trauma and Aging: a Thirty-Year Follow-Up*. Исследователь описывает протекание травмы у детей и взрослых и ее влияние на веру. По его словам, многие выжившие страдают от мучительного внутреннего конфликта, когда человек продолжает испытывать потребность в утешении, которое дает религия, но более не находит в ней опоры из-за радикального несоответствия его представлений о Боге и окружающей действительности¹⁶.

Кристал также отмечает еще одну особенность у переживших травму — потребность в рутине. По его мнению, люди в условиях отсутствия свободы (например, в тюрьме или концентраци-

¹⁵ M. Panagioti, P. Gooding, *Post-Traumatic Stress Disorder and Suicidal Behavior: A Narrative Review*, <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0272735809000658> (28.12.2025).

¹⁶ H. Krystal, *Trauma and Aging: A Thirty-Year Follow-Up* // С. Caruth (ред.), *Trauma Explorations...*, с. 81.

онном лагере) осваивают определенные автоматические клише поведения, которые необходимы им для выживания.

On the other hand, it is possible for this process to stay at the point where a degree of “psychic closing off” has been accomplished, which permits a certain automatonlike behavior, which is necessary for survival in situations of subjugation, such as prison and concentration camps¹⁷.

В романе Яхиной это не выражается явно, хотя можно заметить аналогичную тенденцию в поведении Зулейхи. Будничная рутина героини на первый взгляд кажется малозаметной. Однако в финале романа становится очевидным, что именно эта повторяемость действий служила для Зулейхи критически важным стабилизирующим фактором. Юзуф комментирует это так:

С уходом из охотничьей артели она как-то быстро и безвозвратно устала, сломилась, постарела; после отъезда доктора совсем потерялась, стала как дитя; смотрела на него испуганно, огромными глазами (с. 488).

Охота и помощь в лазарете были ее основными и даже единственными занятиями. Когда она больше не могла их выполнять, она потеряла важный источник опоры, что заметно отразилось на ней.

Описываемая потеря веры выполняет еще одну важную функцию — она показывает медленный отрыв женщины от ее корней. Аллах был последней нитью, связывающей ее с прошлым в Татарстане. Юзуф уже был частью новой, другой, жизни. Зулейха рассказывала ему татарские легенды, но старалась не вспоминать о своем прошлом, о Муртазе, Упырихе, не говорила с сыном на родном языке. В статье *Agricultural Collectivization and Trauma* исследовательница Яна Янчева отмечает, что посредством массовых депортаций и голода правительство стремилось нарушить нормы и мораль сельского населения, а также искоренить его культуру¹⁸. Это происходит и в случае Зулейхи.

Однако, окончательным отрывом от прошлого было начало отношений с Игнатовым, который является полной противоположностью Муртазы. Несмотря на то, что Игнатов убил ее мужа

¹⁷ Там же, с. 81.

¹⁸ Y. Yancheva, *Agricultural Collectivization and Trauma*, «Ethnologia Balkanica» 2022, № 23, с. 157.

и имел над ней власть, он не просто хорошо относился к ней, но и даже дважды спасал ей жизнь. Разница видна также в том, как начинались отношения с Муртазой и с Игнатовым. Брак с Муртазой был устроен, а роман с комендантом лагеря становится результатом ее осознанного выбора. Вступая в отношения с комендантом лагеря, она как бы дистанцируется от советов и нравочужений матери и свекрови. Вероятно, впервые в своей жизни она осмелилась поставить свои эмоциональные потребности на первое место. Безусловно, сын постоянно был для нее важен и она чувствовала себя немного виноватой, что не уделяла ему столько времени, сколько раньше, но он уже не был ее единственным утешением. На это решение сильно повлияло и изменение отношения к Богу. Благодаря этому Зулейха перестала беспокоиться о том, не являются ли ее действия греховными или как на это посмотрят окружающие. Героине наконец удалось избавиться от упомянутой ранее «выученной беспомощности». Рождение сына и долгие годы, проведенные в Сибири, закалили ее характер, благодаря чему она научилась защищать себя. Симптоматической по отношению к внутренней трансформации Зулейхи является сцена, в которой она противопоставляет матери мужа. Женщина изливает весь гнев и сожаление, которые она испытывает как к свекрови, так и к Муртазе, и прогоняет Упыриху. Это первый раз, когда мы видим ее в таких сильных эмоциях, которые она не боится выразить.

— Уходи, говорит Зулейха зло и внятно. — Убирайся! — Прочь отсюда! — Зулейха уже кричит, чувствуя, как тело наливается звонкой и упругой злостью, как теплеют корни волос и бьется, толкается с ребра сердце.
— Не смей являться мне больше! Это моя жизнь, и ты мне больше не указ! Прочь! (с. 447)

Стоит отметить, что не только ее поведение перестало быть пассивным: нечто подобное произошло и с ее социальным статусом. Когда Зулейха жила с мужем, она была только служанкой, домохозяйкой, а в Сибири она стала отменным охотником, что повысило ее ценность в кругу ссыльных.

С Упырихой мы встретимся еще один раз. Это произойдет после того, как Зулейха узнает, что Юзуф хочет сбежать из Семрука. Убитая горем от этой новости, женщина убегает в лес и там снова встречает свекровь. Однако эта встреча имеет совершенно иной характер. Зулейха, хотя она постоянно злится на Упыри-

ху, начинает не только плакать и обнимать ее и, но и называет мамой. В конце концов, любовь, которую обе испытывали к своим сыновьям, объединила их. Зулейха, зная, что она скоро расстанется с сыном, и, возможно, больше никогда его не увидит, обращается за помощью к единственному образцу материнства, который знала. И свекровь не только не отвергает невестку, но утешает ее. Спустя некоторое время героиня романа пытается посмотреть в глаза своей мучительнице, но оказывается, что свекрови там нет и никогда не было, а Зулейха все это время плакала, прижавшись к лиственнице. Именно это дерево оказалось в этой части повествования не случайно. У коренных народов Сибири лиственница неразрывно связана с концептом материнства и деторождения, из уст в уста передаются легенды о чудесном зачатии женщин от духа дерева. Кроме того, лиственница выполняла важную ритуальную функцию во время родов: ее ветви закрепляли у входа в жилище роженицы для обеспечения сакральной защиты матери и ребенка¹⁹. Это видение также меняет сознание Зулейхи: женщина возвращается в деревню и сама просит Игнатова, чтобы он отпустил ее сына. Героиня растет на протяжении всего романа, а в этот момент в ней произошло последнее изменение: она приняла тот факт, что не может насильно держать сына рядом с собой и должна отпустить его.

Поведение Зулейхи можно отнести к антимиметической и миметической теориям травмы, о которых пишет Сюзана Рэдстоун в статье *Trauma Theory: Context, Politics, Ethics*. Исследовательница утверждает, что травматический опыт провоцирует глубокую психическую диссоциацию: «отделение» субъекта от собственного «Я», чем объясняется предельная пассивность и покорность героини в деструктивной семейной среде²⁰. В начале повествования Зулейха фактически не могла распоряжаться собственной жизнью, но по мере развития сюжета эта ситуация меняется: женщина обретает контроль над ситуацией, в которой находится, у нее вырабатывается способность отвечать за свои поступки и решения, из «служанки» она превращается в полноправного и уважаемого члена общины. Что касается второго

¹⁹ Е. В. Нам: *К вопросу о полисемантической образе дерева в системе мировоззрения сибирского шаманизма*, «Вестник Томского государственного университета» 2016, № 402, с. 88–89.

²⁰ S. Radstone, *Trauma Theory: Context, Politics, Ethics*, «Paragraph» 2007, № 1, с. 11.

пункта миметической теории — подражания своему агрессору и отождествления себя с ним, то на первый взгляд может казаться, что у Зулейхи нет таких симптомов. В некоторых ситуациях можно даже заметить, что она вела себя даже наоборот. Примером тому может служить эпизод, в котором Упыриха явилась Зулейхе в землянке. Свекровь рассказывала, что решила пожертвовать своими детьми во имя спасения Муртазы. Зулейха же, напротив, решила, пожертвовать собой: она сознательно порезала себе палец и накормила сына собственной кровью. Однако именно материнство и полная преданность сыну сделали ее похожей на ненавистную свекровь. Обе женщины смогли пожертвовать многим во имя спасения любимого ребенка, хотя, как нетрудно заметить, проявляется это по-разному.

Согласно антимиметической теории, травматические воспоминания занимают особую область мозга, которая препятствует их восстановлению. Травма — это запись перерастающего возможность освоения личностью события, которое отделено от памяти²¹. Эта гипотеза также находит подтверждение в анализируемом романе. На самом деле нам не известны подробности жизни Зулейхи с мужем и свекровью. Достаточно точно описаны только несколько дней до ареста главной героини. Позже мы не узнаем ничего нового о ее прошлой жизни. Зулейха не возвращается в прошлое. По-видимому, эти воспоминания были для нее настолько болезненными, что ее сознание постоянно вытесняло их.

Рассматривая роман *Зулейха открывает глаза* сквозь призму *trauma studies*, считаем необходимым сослаться еще одного исследователя травмы — Доминика Лакапру, который описывает три основных способа борьбы с травмой: отрицание, разыгрывание и переутомление. Отрицание может проявляться по-разному, от полного отрицания до различных форм избегания; разыгрывание включает компульсивное воспроизведение травмирующего события; переутомление — это этап, на котором жертва может различать настоящее и прошлое, причем игра является обязательным условием переутомления²². В случае с Зулейхой мы получаем возможность наблюдать все эти способы борьбы с травмой.

Первый отказ мы видим в начале романа, в основном в отношении сексуального насилия со стороны ее мужа: «Во вре-

²¹ Там же, с. 11.

²² I. A. Sima, *Reenacting trauma...*, с. 62.

мя исполнения супружеского долга Зулейха обычно мысленно сравнивает себя с маслобойкой» (с. 41). В эти моменты героиня находится в состоянии психологического отсутствия, стремясь вытеснить травматическое воздействие. Аналогичный механизм блокировки срабатывает и позднее, когда психика героини вытесняет обстоятельства ареста и этапирования в Казань:

Мысли в голове до сих пор — тяжелые, неповоротливые, как хлебное тесто. Глаза — видят, но будто сквозь завесу. Уши — слышат, но как издалека. Тело — двигается, дышит, но словно не свое (с. 125).

Следующий способ борьбы с травмой — разыгрывание — мы также можем найти в поведении Зулейхи. В ее случае это ассоциируется с образом Упырихи, которая предстает перед Зулейхой в виде призрака. В этих галлюцинациях свекровь насмехается и издевается над невесткой, точно так же, как она это делала при жизни.

Финальный этап — переутомление — у Зулейхи тесно связан с разыгрыванием, что подтверждается теорией Лакапры. Переутомление происходит почти в самом конце романа — когда Упыриха является Зулейхе в последний раз. Как было уже замечено, эта встреча отличается от предыдущих: свекровь больше не издевается над невесткой и не унижает ее. Наоборот, она пытается утешить и обнять ее. Именно в этом эпизоде Зулейха поняла, что она действительно обнимает не свекровь, а лиственницу. Таким образом, главная героиня приняла, что Упыриха ушла в прошлое, а она сама, наконец-то, получила возможность жить в настоящем. До этого момента трудно было говорить о том, полностью ли Зулейха проработала свою травму, поскольку ее благополучие все время зависело в основном от ее сына и от описанного ранее рутинного поведения ее самой. Когда же Зулейха узнала, что сын планирует бежать из Семрука и покинуть ее, она была в отчаянии, а во время перепалки с Юзуфом даже угрожала убить себя. Только после последней встречи со свекровью она смогла смириться с уходом сына и попрощаться с прошлым, свидетельством чего служат слова автора романа: «А она почувствует, что заполнившая мир боль не ушла, но дала ей вдохнуть» (с. 504).

Роман *Зулейха открывает глаза* — это в основном история эволюции Зулейхи. На этот процесс, кроме свекрови, повлиял Иван Игнатов, который, в некотором смысле, является вто-

рым главным героем книги. Впервые мы видим Игнатова в переломный момент жизни Зулейхи, когда он убивает ее мужа. Кроме того, он — командир Красной армии, задачей которого является ссылка кулаков, в том числе и Зулейхи, в Сибирь. Уже в начале романа можно отметить, что Игнатов является идеалистом. Раскулачивание и репрессии сначала радовали его. Он искренне верил в революцию и в то, что он способствует переменам к лучшему. Судьбы людей, пострадавших от его действий, были ему безразличны. Однако ситуация изменилась. Первоначальная задача Игнатова заключалась лишь в конвоировании арестованных, однако обстоятельства вынудили его занять пост коменданта спецпоселения в Сибири. Несмотря на внутреннее сопротивление новой роли, он оказывается не в силах противостоять приказу. Длительное совместное пребывание с ссыльными неизбежно ведет к размыванию границ между «конвоиром» и «заключенными». Вопрос о мотивации его действий остается дискуссионным: диктуется ли его поведение исключительно чувством долга или же искренним сопереживанием подопечным. Психологический портрет героя осложняется механизмом вытеснения собственных чувств, однако ряд эпизодов подтверждает возникновение глубокой эмоциональной привязанности Игнатова к тем, за чью жизнь он несет ответственность.

Он вдруг понял, что начинает узнавать лица. Каждый раз, сидя в купе и погружая ложку в горячую рассыпчатую кашу, некстати вспоминал то худощевого белоголового подростка-альбиноса с доверчивыми, совершенно розовыми глазами из третьего вагона, то толстую веснушчатую бабу с большой алой родинкой на щеке из шестого [...], то маленькую бледнолицую женщину с зелеными глазами (с. 178).

Так он начинает заботиться и о Зулейхе. Мы можем убедиться в этом после того, как часть заключенных сбежала из эшелона. Игнатов пытается допросить тех, кто остался. Во время допроса он вступает в скрытый конфликт с начальником оперативного пункта, отказываясь передать ему героиню. Несмотря на раздражение, вызванное молчанием Зулейхи, он берет на себя роль ее защитника, ограждая от более радикальных методов допроса. Вскоре после этого события Игнатов узнает, что ему придется остаться в Сибири вместе с ссыльными. Его начальник, Кузнец, оставил ему самые необходимые инструменты и уехал, обещая,

что скоро придет помощь. Однако, он не сдержал своего слова, что спровоцировало у героя глубокий психологический кризис, граничащий с нервным срывом.

Случай с Игнатовым не был чем-то особенным или исключительным. Как пишет Александр Эткинд в исследовании *Кривое горе*, советский режим имел обыкновение избавляться от людей, которые больше не были ему нужны²³. Игнатов не смог выполнить возложенную на него задачу, поэтому сам стал жертвой системы, которой до недавнего времени добросовестно служил и в правоте которой не сомневался. Этот сюжет появляется в романе не случайно — это еще один способ показать, насколько бессмысленно жесток советский режим. Даже те, кто следовали действующим правилам, не были в безопасности. Игнатов по-прежнему оставался комендантом и начальником ссыльных, но в глазах заключенных его позиция пошатнулась. Он понимал это, хотя не хотел мириться с таким положением вещей.

В каком-то смысле в случае с Игнатовым прослеживается ситуация противоположная тому, что происходит с Зулейхой. Несмотря на то, что она была заключенной, ей удалось восстановить контроль над своей жизнью и занять достаточно высокое положение в иерархии ссыльных, в то время как Игнатов, хотя все еще и обладал властью над заключенными, понизил свой статус, утратил свободу и доверие начальства. Он не был заключенным, но и не мог вернуться домой. У обоих героев также проходят изменения в мировоззрении. Если Игнатов переживает кризис политической веры, то Зулейха проходит через утрату веры религиозной. При этом экстремальный опыт ссылки становится началом их освобождения от навязанных идеологических и догматических конструктов, сменяясь живым состраданием и необходимостью выжить.

Игнатов, как и Зулейха, борется с травматическими снами, у него заметны похожие симптомы ПТСР, хотя они вызваны другими факторами. Его преследуют видения, связанные с людьми, которых он убил в прошлом. Интересно, что первым из них был Муртаза — муж Зулейхи. Эти видения помогли ему выработать еще один способ, с помощью которого Игнатов пытался бороться с травмой, т.е. вытеснение: «Ни одного не жалко, успокаивал он себя. Встретил бы — и в другой раз убил бы

²³ А. Эткинд, *Кривое горе. Память о непогребенных*, авторизованный пер. с англ. В. Макарова, Новое литературное обозрение, Москва 2016, с. 34.

не дрогнув» (с. 364). В этой ситуации нетрудно понять, что герой не честен сам с собой. Подобные мысли не возникают без причины. Они появились только после того, как Игнатов начал сомневаться в правоте революции и системы, и, следовательно, ему пришлось столкнуться с осознанием того, что все эти смерти на самом деле могли быть неправильными, а люди, которых он убил, могли быть невиновными.

Отношения с Зулейхой были для Игнатова особенными. Размышляя о своем прошлом, герой признает, что многочисленные его романы с другими женщинами были лишены глубины: он не только не испытывал любви к ним, но и не понимал самой возможности применения этого понятия к женщине. Однако о Зулейхе он заботился до такой степени, что даже предложил ей жить с ним и каждый день сопровождал ее в лазарет, пока женщина присматривала за больным сыном. Он признается, что полюбил ее. И хотя окончание этого короткого романа показано только глазами Зулейхи, нет сомнений, что мужчина тяжело пережил разрыв. Любовь к Зулейхе оставила глубокий след в его сознании. Спустя годы главная героиня по-прежнему остается для него центральной фигурой, что подтверждается финальным поступком героя: Игнатов выдает Юзуфу паспорт, официально признавая себя его отцом. Он символически порвал с революцией, с системой, которая еще недавно так много значила для него и на которой он основывал свою мораль. Роман Зулейхи и Игнатова стал для героев символическим разрывом с прошлым, освобождением, хотя не обязательно исцелил их от полученных травм. К сожалению, в случае с бывшим комендантом лагеря мы не видим момента, в котором он в итоге преодолевает свою боль или хотя бы учится жить с ней, как это делает Зулейха. Такое окончание сюжетной линии Игнатова можно рассматривать символически: герой романа представлял режим, совершил от его имени множество преступлений и испытал тяжелую травму, с которой не мог справиться, как и сейчас Россия не в состоянии успешно смириться и работать со своим неудобным прошлым²⁴.

Подводя итоги проделанной работы, необходимо отметить, что в романе Яхиной *Зулейха открывает глаза* представлена

²⁴ Там же. Больше см.: Н. Эпсле, *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах*, Новое литературное обозрение, Москва 2020.

широкая панорама персонажей, демонстрирующих различные аспекты травматического опыта. Как было показано, не только Зулейха, но и Игнатов, а также другие ссыльные, и даже Упыриха, могут выступать объектами анализа с применением инструментария *trauma studies*. Успешное применение данной теории к исследуемому художественному материалу подтверждает ее относительную универсальность. В то же время проделанная работа выявила специфику переживания травмы в контексте советских репрессий, а также уникальный опыт женщин и представителей нетитульных наций, что позволяет дополнить и расширить каноны западных моделей теории травмы.

REFERENCES

- Brown, Laura. "Not Outside the Range: One Feminist Perspective on Psychic Trauma." *Trauma: Explorations in Memory*. Caruth, Cathy (ed.). London: The Johns Hopkins University Press, 1995: 100–112.
- Caruth, Cathy. "Introduction." *Trauma: Explorations in Memory*. Caruth, Cathy (ed.). London: The Johns Hopkins University Press, 1995: 151–157.
- Chotkowska, Katarzyna. "Doświadczenie przemocy w dzieciństwie — skutki w życiu dorosłym." *Dziecko Krzywdzone. Teoria, badania, praktyka*, 2022, no. 1: 57–76.
- Craps, Stef. *Postcolonial Witnessing: Trauma out of Bounds*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Duda, Katarzyna. "Mikrohistoria i tożsamość lokalna wobec dyskursu wielkiej historii (Guzel Jachina — Dzieci Wołgi)." *Politeja*, 2025, no. 5: 343–354.
- Groszkowska, Kamila. "Konsekwencje przemocy domowej wobec kobiet," <<https://efektywne-prawo.org.pl/konsekwencje-przemocy-domowej-wobec-kobiet-mgr-kamila-groszkowska/>>.
- Jones, Polly. "Memories of Terror or Terrorizing Memories? Terror, Trauma and Survival in Soviet Culture of the Thaw." *The Slavonic and East European Review*, 2008, no. 2: 347.
- Kisiel, Anna. "Uraz — bliskość — nie-pamięć. Psychoanalityczny dyskurs traumy od Freuda do Ettinger." *Narracje o Zagładzie*, 2016, no. 2: 116–120.
- Krystal, Henry. "Trauma and Aging: A Thirty-Year Follow-Up." *Trauma: Explorations in Memory*. Caruth, Cathy (ed.). London: The Johns Hopkins University Press, 1995: 76–99.
- Kube, Marcin. "Syberyjska Arka Noego" *Rzeczpospolita*, 2017, no. 200.
- Panagioti, Maria, Gooding, Patricia. "Post-Traumatic Stress Disorder and Suicidal Behavior: A Narrative Review." <<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0272735809000658>>.
- Radstone, Susannah. "Trauma Theory: Context, Politics, Ethics." *Paragraph*, 2007, no. 1: 9–29.
- Sidor, Monika. "Z badań nad etyką w literaturze masowej: o implikacjach etycznych kategorii obcości w powieściach Guzel Jachiny." *Slavia Orientalis*, 2020, no. 4: 813–832.

ТРАВМА В ДАЛЕКОЙ СИБИРИ...

- Sima, Iulia Anamaria. "Reenacting Trauma in the Wake of 9/11." *[Inter]sections*, 2015, no. 18: 57–78.
- Snyder, Timothy. *Czarna Ziemia. Holokaust jako ostrzeżenie*. Trans. Pietrzyk, Bartłomiej. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 2015.
- Waligórska-Olejniczak, Beata. "O mitach i obrazach kobiecości w prozie Swietłany Aleksijewicz." *Porównania*, 2017, no. 1: 97–105.
- Witowicz, Bożena. "Między faktem a prawdą." *Nowe Książki*, 2024, no. 1.
- Witowicz, Bożena. "Przebudzenia." *Nowe Książki*, 2017, no. 12.
- Wójcikowska-Wantuch, Paulina. "Dyskurs postkolonialny w powieści 'Dzieci Wołgi' Guzel Jachiny." *Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze*, 2023, no. 33.
- Yancheva, Yana. "Agricultural Collectivization and Trauma." *Ethnologia Balkanica*, 2022, no. 23: 157.
- Екимова, Валентина, Лучникова, Елена. "Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса." *Современная зарубежная психология*, 2020, no. 1: 50–61.
- Гузель, Яхина. *Зулейха открывает глаза*. Москва: АСТ, 2017.
- Карут, Кэти. "Травма, время и история." *Травма: пункты*. Ушакин, Сергей, Трубина, Елена (eds.). Москва: Новое литературное обозрение, 2009: 561.
- Нам, Елена. "К вопросу о полисемантической образе дерева в системе мировоззрения сибирского шаманизма." *Вестник Томского государственного университета*, 2016, no. 402: 88–98].
- Эппле, Николай. *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах*. Москва: Новое литературное обозрение, 2020.
- Эткинд, Александр. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2013.
- Эткинд, Александр. *Кривое горе*. Stanford: Stanford University Press, 2013.